

ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Для цитирования: Мельгунова А. В. Передача средств выражения вежливости в переводе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на немецкий язык // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 212–227. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.111>

В статье рассматриваются языковые средства выражения вежливости в художественном тексте и возможности их перевода. Материалом послужила поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее первый перевод на немецкий язык, который был выполнен Ф. Лёбенштейном в 1846 г., через четыре года после выхода в свет поэмы. Сюжет произведения включает многочисленные ситуации общения, в которых говорящие стремятся достичь своих целей, используя различные речевые стратегии. При этом выбор языковых средств в просьбах, комплиментах и других речевых актах обусловлен социальным статусом и межличностными отношениями собеседников. Новизна исследования заключается в рассмотрении текста перевода произведения в аспекте того, как язык вежливости передается современником автора. Во введении дается краткий обзор научных трудов, послуживших теоретической базой для данной статьи. Они посвящены теме вежливости в русской и немецкой лингвокультурах, а также художественной литературе и переводу. Особое внимание в следующих разделах статьи уделяется таким аспектам коммуникации, как обращение к собеседнику, формулы речевого этикета, просьба, извинение. Выявляются несовпадения русского и немецкого вариантов, обусловленные отсутствием полного эквивалента в языке перевода, — например обращение *барин* переведено как *gnädiger Herr*, что ближе к вежливому обращению ‘милостивый государь’. В отдельных случаях можно считать отличия в немецком тексте решением переводчика, принятым под влиянием его восприятия сюжета и характера персонажей, — как, например, использование в переводе другого наклонения или других средств выражения модальности при передаче просьбы. В статье охарактеризованы некоторые особенности этикетных формул, свойственные русскоязычной культуре XIX в., и проанализировано, каким образом средства выражения вежливости переданы в немецком переводе, какие лексические замены, опущения и грамматические трансформации — и насколько удачно — использует переводчик.

Ключевые слова: вежливость, XIX век, художественный текст, Н. В. Гоголь, перевод с русского на немецкий язык.

RENDERING MEANS OF EXPRESSING POLITENESS IN THE TRANSLATION OF N. V. GOGOL'S POEM *DEAD SOULS* INTO GERMAN

For citation: Melgunova A. V. Rendering means of expressing politeness in the translation of N. V. Gogol's poem *Dead Souls* into German. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 212–227.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.111> (In Russian)

The article discusses the linguistic means of expressing politeness N. V. Gogol's poem *Dead Souls* and the possibilities of their rendering in German translation suggested by F. Löbenstein in 1846. The poem features numerous communicative situations in which speakers strive to achieve their goals using various speech strategies determined by the social status and interpersonal relationships of the interlocutors. The novelty of the research lies in the consideration of the poem's text of the translation precisely in regard to conveying various shades of polite treatment by Gogol's contemporary. The introduction provides a brief overview of the scientific works that served as the theoretical basis for this article. They are devoted to politeness in Russian and German linguocultures, fiction and translation. Special attention is paid to addressing the interlocutor, speech etiquette formulas, the request and the apology. Discrepancies between the Russian and German versions resulting from the lack of equivalents in German are revealed. For example, the address *barin* 'master' is translated as *gnädiger Herr — milostivyy gosudar* 'dear sir'. In some cases differences in the German text can be considered a translator's decision influenced by his perception of the plot and a nature of characters, which manifests in, for instance, using a different mood in translation or other means of expressing modality. The article describes some features of etiquette formulas inherent to the Russian-speaking culture of the 19th century and analyzes ways in which the means of expressing politeness are rendered in German translation as well as their appropriateness.

Keywords: politeness, 19th century, literary text, N. V. Gogol, translation from Russian into German.

1. Введение

Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» представляет собой интересный документ эпохи, отражающий особенности социального устройства российской жизни и показывающий типичные для страны проблемы. Известно, что автор скептически отнесся к появлению перевода «Мертвых душ», в том числе из-за сомнений в том, что иностранцы будут способны правильно понять его произведение [Никанорова 2011: 591].

Перевод современника Гоголя — Ф. Лёбенштейна, который работал в основном с произведениями польской литературы, был самым первым из многочисленных переводов поэмы на немецкий язык. Он неоднократно подвергался критике: с одной стороны, исследователи отмечают буквализм некоторых фрагментов [Никанорова 2011: 593], с другой стороны, отмечается упрощение оригинала, приводящее к потере смысловых нюансов [Никанорова 2011: 597].

В данной статье планируется рассмотреть не весь перевод в целом, а передачу на немецкий язык различных средств выражения вежливости. По нашему мнению, поэма представляет интерес именно в этом отношении, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе. Существующие исследования делают основной акцент на передаче переводчиками различных специфических российских реалий. Мы планируем сконцентрироваться на коммуникативном аспекте произведения.

Теоретической базой для рассмотрения данной темы послужили работы, посвященные вежливости в немецком языке [Тахтарова 2007], аспектам коммуникативного поведения в русском и немецком языках [Газизов 2009; 2010; Гладров, Которова 2021], речевого поведения при выражении просьбы [Которова 2016] и в иных ситуациях [Buscha et al. 2006]. Наряду с этим использовались труды, в которых анализируются сложности перевода на немецкий язык и классифицируются различные виды трансформаций [Павлова, Светозарова 2012; Дзенс, Перевышина 2012], и научные статьи, посвященные непосредственно переводу «Мертвых душ» [Никанорова 2011], а также манипулятивным стратегиям в речи персонажей художественного текста [Баженова 2022].

Вежливость является прагматическим феноменом, так как выбор из имеющихся средств, сигнализирующих о вежливости, говорящий делает опираясь на свои знания о социальных отношениях и конвенциях [Meibauer 2008: 114]. Говорящий всегда ориентируется на адресата и выбирает ситуативно приемлемые грамматические и лексические средства [Нефедов 2022: 276]. Средства выражения вежливости могут отличаться в разных языках, что находит отражение в переводах художественной литературы. Произведение, текст и перевод которого мы рассматриваем, содержит разнообразные ситуации общения, в которых вежливость играет большую роль.

2. О некоторых особенностях поэмы в аспекте выражения вежливости

Действие происходит в XIX веке, когда общество делилось на различные сословия и группы. Сложное устройство общества приводило ко множеству нюансов в общении, о чем пишет и сам Гоголь в «Мертвых душах», имея в виду не только соблюдение общепринятых формальностей, но и способность русского человека тонко чувствовать особенности ситуации и выбирать соответствующие коммуникативные стратегии:

Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались еще кой в чем за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионником, и с мелким табачным торгошом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым [Гоголь 2009: 40].

Для госслужащих в то время действовала «Табель о рангах». Каждому чину соответствовал титул, который следовало использовать при обращении [Формановская 2017: 143]. Многообразию титулов давало говорящему возможность для различных манипуляций: «(...) а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, **сказал даже ошибкою два раза “ваше превосходительство”**, что очень им понравилось» [Гоголь 2009: 10]. В процессе общения человек может поменять обращение к собеседнику на более уважительное, чтобы достичь своих целей, извлечь пользу из знакомства [Мельгунова 2021: 18]. В данном случае Чичиков в стремлении польстить «нужным» людям нарушает предписанные правила и использует обращение, положенное более высоким чином.

Ситуации, в которые попадает главный герой, разнообразны и иногда нестандартны, что связано с планом приобретения Чичиковым мертвых душ. Так же различны и языковые средства, к которым он прибегает. Говорящий стремится не отступать от правил вежливости, так как в противном случае он может не достичь желаемой цели [Формановская 2017: 100].

Однако не только речь главного героя представляет интерес. Особенность поэмы заключается также в большом разнообразии

характеров персонажей, поведение которых иногда сильно различается, как у Манилова (чрезмерная вежливость) и Ноздрева (грубость):

*Тут Манилов с такою же любезностью **рассказал дело кучеру и сказал ему даже один раз «вы»*** [Гоголь 2009: 31].

*Там... он (Чичиков. — А. М.) познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который **ему после трех-четырёх слов начал говорить «ты»*** [Гоголь 2009: 14].

Средства выражения вежливости передаются в немецком издании иногда практически дословно, иногда с заменами и трансформациями. Например, Чичиков использует манипуляцию — комплимент, пытаясь доказать Собакевичу, что мертвые души не могут стоить дорого: *«Вы, кажется, **человек довольно умный, владеете сведениями образованности***» [Гоголь 2009: 85] — *«Sie sind ein Mann von Bildung und Verstand»* [Gogol 2009: 145]. Здесь переводчик прибегает к замене и синтаксической трансформации, используя употребительное для своего времени выражение с тем же значением, а также отказываясь от модальности предположения. Дословный перевод вряд ли возможен, так как последняя часть фразы нестандартна и для русского языка.

Рассмотрим подробнее перевод различных языковых средств вежливости. Орфография перевода, содержащего отдельные варианты устаревшего написания слов, сохранена в данной статье.

3. Повседневные формулы речевого этикета

В этом разделе будут приведены примеры ситуаций, включающих приветствие, прощание, вопросы о самочувствии; также будет отмечена роль отдельных глаголов в вежливых репликах.

Универсальное в русском языке приветствие не имеет одного определенного эквивалента в немецком: *«Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?»* [Гоголь 2009: 39] — *«Guten Morgen, Väterchen! Wie haben Sie geruht?»* [Gogol 2009: 67]. Здесь используется одно из стандартных клише в качестве замены; выбор из возможных вариантов зависит от контекста, из которого ясно время суток.

Для употребительной в то время формулы прощания в немецком языке существует общепринятый эквивалент: *«Прощайте, су-*

дарыня! <...> **Прощайте**, почтеннейший друг!» [Гоголь 2009: 30] — «**Leben Sie wohl, meine Gnädigste!** <...> **Leben Sie wohl, hochgeschätzter Freund!**» [Gogol 2009: 46].

Близко к оригиналу переданы вопросы о самочувствии, при этом возможны трансформации, например морфологические: «**А ваше как здоровье?**» [Гоголь 2009: 118] — «**Und wie befinden Sie sich?**» [Gogol 2009: 205].

В отдельных случаях русская реплика понятна только в контексте. Например, Чичиков в ответ на приветственные слова полового, т. е. служащего гостиницы, задает ему вопрос: «**Ну, а ты что?**» [Гоголь 2009: 108] — «...**und wie geht's dir?**» [Gogol 2009: 186]. Дословный перевод мог бы привести к искажению смысла, поэтому здесь удачно подобрана замена в виде узуального клише.

Следует отметить, что отдельные глаголы играют особую роль в отраженной в книге вежливой речи. В первую очередь это глагол *позволять*, использование которого предваряет вопросы и просьбы, высказывание мнения и др.: *позвольте заметить* — *erlauben Sie mir zu bemerken*, *позвольте спросить* — *erlauben sie mir die (noch eine) Frage*. «Привязанность» к данному глаголу с иронией отражена в следующем диалоге:

— **Позвольте** вас попросить расположиться в этих креслах, — сказал Манилов. — Здесь вам будет попокойнее.

— **Позвольте**, я сяду на стуле.

— **Позвольте вам этого не позволить**... [Гоголь 2009: 26].

„Wollten Sie nicht gefälligst in diesem Lehnstuhl Platz nehmen, es sitzt sich da sehr bequem“, sagte Manilow.

„**Erlauben** Sie mir, auf einem Stuhle zu sitzen“.

„**Erlauben Sie mir, Ihnen dieses nicht zu erlauben**“. [Gogol 2009: 43].

В первой реплике переводчик производит трансформацию синтаксической структуры предложения и заменяет глагол на модальный, который в немецком языке больше подходит для предложения что-либо сделать.

Одним из частотных вариантов при переводе предложений вопросительного характера, включающих фразу *позвольте узнать*, является замена первого русского глагола на немецкий *dürfen*. В немецком высказывании акцент смещается на говорящего, иногда добавляется отрицание: «**А позвольте** узнать фамилию вашу» [Го-

голь 2009: 40]. — «**Darf ich nicht Ihren Familiennamen wissen?**» [Gogol 2009: 69].

Немецкий *erlauben* может также использоваться, если в оригинале глагол, близкий по значению к «позволять»: «*Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю*» [Гоголь 2009: 21]. — «*Entschuldigen Sie, ich erlaube es durchaus nicht, daß ein so angenehmer, gebildeter Gast nach mir eintrete*» [Gogol 2009: 35]. Русское *не допущу* звучит здесь довольно категорично. В переводе присутствует компенсация стилистических потерь за счет наречия *durchaus*.

Интересно рассмотреть также перевод следующего вежливого ответа на распоряжение, который содержит устаревший глагол *потрафить* ‘угодить кому-л., сделать в соответствии с чьим-л. желанием’: «*Кучер... сказал “Потрафим, ваше благородие”*» [Гоголь 2009: 31]. — «*Der Kutscher erwiderte: „Wir finden es schon, Ew. Hochwohlgeboren!“*» [Gogol 2009: 52] Здесь переводчик прибегает к конкретизации и подбирает подходящий контекстуальный эквивалент — кучер отвечает на объяснения Манилова, как проехать к деревне помещика Собакевича, и обещает найти это место.

4. Обращение к собеседнику

Текст произведения содержит множество субстантивных вариантов обращений, среди которых титулы, ласкательные слова, термины родства, а также имена собственные. Переводчик стремится передавать обращения близко к оригиналу, возможно, иногда слишком дословно, но также и прибегая к заменам.

Примером близких соответствий является перевод обращений к вышестоящим лицам, как *ваше благородие* — *Ew. Hochwohlgeboren* (кучер — господину), *ваша милость* — *Euer Gnaden* (слуга — Чичикову), *ваше превосходительство* — *Euere Excellenz* (Ноздрев — губернатору). Эквивалентами можно считать также неофициальные обращения: *душенька* — *mein Schatz / meine Theure* (обращение мужа к жене), *милая* — *meine Theuere* (одна дама — другой), *любезный* — *mein Lieber* (Манилов — приказчику).

В отдельных случаях дословные варианты передачи ласкательных форм оказываются не очень типичными для немецкого языка. Это касается таких обращений, как широко используемые в произведении Гоголя *душа*, *душенька* и т.п.: *душенька* — *mein Seelchen*

(Манилов — жене), *душа моя* — *Seelchen / meine Seele* (одна дама — другой), *голубушка барыня* — *meine gnädige Frau, mein Täubchen* (служанка — барыне). Здесь следует сказать, что такое обращение, как *Seele / Seelchen*, для немецкого вообще не характерно, а не очень распространенное *Täubchen* скорее воспринимается как обращение к возлюбленной.

Ласкательными словами русский язык изобилует, а немецкий в этом отношении беднее. Подобные лексические единицы могут использоваться в роли обращения. Но так как они лишены концептуального содержания, они передаются так, как принято в соответствующем языке, а иногда следует опустить их перевод [Павлова, Светозарова 2012: 292–294]. В некоторых случаях следовало бы заменить обращения на более понятные немецкому читателю.

Близко к тексту передаются также термины родства, однако в их использовании в оригинале есть особенности. Только в одном случае термин родства подразумевает то, что он означает: *зятек* — *Schwagerchen*. Так обращается Ноздрев к молодому человеку, который на самом деле приходится ему зятем. В остальных же случаях номинации степеней родства являются маркером дружеского отношения, дружелюбия. Они передаются переводчиком максимально близко к оригиналу: *брат Чичиков* — *Bruder Tschitschikov*, *брат* — *Brüderchen* (Ноздрев — Чичикову), *матушка* — *Mütterchen* (Чичиков — помещице Коробочке), *батюшка/отец мой* — *Väterchen / mein Vater* (помещики Коробочка, Плюшкин — Чичикову): «*He хотите ли, **батюшка**, выпить чаю?»* [Гоголь 2009: 37] — «*Ist's nicht gefällig, Thee zu trinken, **Väterchen?***» [Gogol 2009: 63].

Отдельные ситуации, включающие использование терминов родства, совершенно нетипичны и для русского языка. Автор комментирует данную особенность общения в кругу приятелей-чиновников: «*все было очень семейственно*» [Гоголь 2009: 128] — «*sie lebten, als ob sie alle eine Familie ausmachten*» [Gogol 2009: 222].

*Председатель обнимал несколько раз Чичикова... произнеся в излиянии сердечном: «**Душа ты моя! Маменька моя!**»* [Гоголь 2009: 124] — *Der Präsident... umarmte Tschitschikov mehrmals, rief, vom Gefühle überströmend, aus: „**Meine Seele, mein Schatz, mein Mütterchen!**“* [Gogol 2009: 216].

Такие обращения к мужчине не характерны ни для русского, ни для немецкого языков. Здесь переводчик добавляет к двум обраще-

ниям в оригинале также более привычное в немецком «семейное» обращение *mein Schatz*.

Для слова *барин* как обращения работника к помещику, по нашему мнению, отсутствует полный эквивалент, так как в Германии того времени не было крепостного права, идентичного российскому. Вариант, использованный в переводе, ближе к русскому обращению *милостивый государь*, которое могло использоваться и в общении равных по статусу: «...приказчик говорил: “Хорошо бы, **барин**, то и то сделать...”» [Гоголь 2009: 14]. — «...*der Verwalter sagte „Ich denke, **gnädiger Herr**, es wäre nicht schlecht, Dies oder Jenes zu thun...”*» [Gogol 2009: 32].

Различные варианты передачи слова *сударыня* на немецкий язык зависят от того, кто к кому обращается. Если обращение Чичикова к жене Манилова переведено как *gnädige Frau* или *meine Gnädigste*, то в следующем случае обращения служанки к помещице вариант иной: «*Слушаю, **сударыня!***» [Гоголь 2009: 38] — «*Ich hör's **Herrin!***» [Gogol 2009: 64].

С именами собственными переводчик порой обращается очень вольно. Звучание большинства передается адекватно, но в отдельных случаях возникают расхождения, причина появления которых не ясна: *Лизанька* — *Lisinka*, *Собакевич* — *Sabakowitsch*, *Селифан* — *Selizhan*. Такую небрежность в передаче имен собственных справедливо отмечают исследователи переводов Гоголя [Никанорова 2011: 594].

5. Формулировка просьбы

В русской культуре вполне вежливым считается употребление императивных форм в сочетании со словом *пожалуйста* [Анохина, Кострова 2006: 116]. В книге такие просьбы (на самом деле — распоряжения) обращены в основном к слугам, при этом императивные формы сочетаются с обращением на «ты». При несимметричных отношениях использование одним из собеседников такого обращения сигнализирует о неравенстве говорящих [Улиш и др. 2001: 30]: «*Ты, **пожалуйста**, их **перечти**, — сказал Чичиков, — и **сделай** подробный реестрик всех поименно*» [Гоголь 2009: 27]. — «...*„**Sei so gut, sie **zusammenzuzählen** und ein **Verzeichnis** derselben **zu machen**“***, sagte *Tschitschikov*» [Gogol 2009: 45]. Переводчик заменяет «пожалуйста» другим языковым средством для выражения вежливой просьбы —

устойчивым выражением *sei so gut* 'будь так добр'. При этом императивную форму имеет только первый глагол в этой фразе, а не обозначения требуемых от адресата действий.

В диалогах равных или близких по статусу людей повелительное наклонение встречается редко, за исключением различных этикетных формулировок, как *сделайте милость, позвольте, не беспокойтесь*.

При использовании прямых речевых актов существует угроза коммуникативных неудач, поэтому говорящие предпочитают косвенные речевые акты [Газизов 2010: 98]. В следующем случае используется сослагательное наклонение, которое, однако, не передается в переводе: «*Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек*» [Гоголь 2009: 106]. — «*Nun, Väterchen, aus Mitleid mit meiner Armuth, geben Sie zu vierzig Kopeken*» [Gogol 2009: 181].

Перед значительной просьбой обычно следует какое-то вступление или вводная фраза, а затем уже формулируется сама просьба [Buscha et al. 2006: 262–263], например: «*Я хотел было поговорить с вами об одном дельце*» [Гоголь 2009: 82]. — «*Ich habe mit Ihnen von einem kleinen Geschäftchen zu sprechen*» [Gogol 2009: 139]. В данном случае в русском высказывание менее категорично. В немецком переводе появляется модальность необходимости. Впрочем, переводчик сохраняет уменьшительный суффикс и добавляет также прилагательное *klein*, что, скорее всего, уже не требуется. Мейотические дериваты, т.е. слова с уменьшительными суффиксами, отражают не реальные количественные изменения объекта, а коммуникативную интенцию адресанта, направленную на создание определенной атмосферы общения, благоприятной для реализации говорящим его конечной интенции [Тахтарова 2007: 91].

«*Но позвольте прежде одну просьбу...*» [Гоголь 2009: 26] — «*Doch erlauben Sie mir eine Frage...*» [Gogol 2009: 43]. Здесь немецкая вводная фраза с лексической заменой существительного в формальном смысле оказывается точнее оригинала, так как за этой репликой следуют еще вопросы о том, умирали ли в поместье крепостные крестьяне, сколько и т.д., а к самой просьбе говорящий приступает позже.

Интересный во многих отношениях пример представляет собой самая первая просьба Чичикова о передаче ему мертвых душ, которая обращена к Манилову:

— *Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, пере-*

дать, уступить или как вам заблагорассудится лучше? [Гоголь 2009: 28] — „Und so wünschte ich zu wissen, ob Sie mir **die** in Wirklichkeit **totden**, aber in Bezug auf die gesetzliche Form lebenden Bauern **verkaufen** oder **abtreten wollen**, je nachdem Sie es für gut erachten?“ [Gogol 2009: 46].

Просьба формулируется в виде вопроса, что характерно. Центр коммуникативного прагматического поля просьбы образуют вопросительные предложения [Которова 2016: 71], тем более в ситуации, когда говорящий стремится выразиться не прямо. Одной из форм реализации просьбы можно считать желательные высказывания [Гладров, Которова 2021: 356–357], пример чего мы наблюдаем в начале фразы. Также здесь имеет место стратегия умалчивания. Она может заключаться в разного рода перефразированиях, переименованиях определенных объектов, прямо сказать о которых персонажи по каким-либо причинам не могут или не желают [Баженова 2022: 17]. Чичиков избегает слова *мертвые*. Немецкий вариант во многом получился более прямолинейным: *ne живых — die totden, nepеdать — verkaufen, можете — wollen*.

6. Функции извинений и языковое выражение скромности

Различные варианты извинений, присутствующие в тексте поэмы, только изредка являются извинениями за проступок, провинность. Например, Собакевич извиняется за то, что наступил на ногу Чичикову: «*Прошу прощения*» [Гоголь 2009: 13]. — «*Bitte um Entschuldigung!*» [Gogol 2009: 19].

В остальных случаях функции лексики с семантикой извинения могут быть иными — во фразах этикетного характера — например, в извинениях хозяина дома перед гостем за то, что ему оказан прием не столичного уровня. Возможно использование при переспросе, при высказывании благодарности за услугу, как в следующих случаях:

— Как-с? **Извините**... <...> мне послышалось престранное слово... [Гоголь 2009: 27]. — „Wie? **Sie entschuldigen**... ich glaube ein gar sonderbares Wort zu hören“ [Gogol 2009: 46].

— Ах, Боже мой! **Мне, право, совестно**, что нанес столько затруднений [Гоголь 2009: 115]. — „Ach, mein Gott! **Ich schäme mich ordentlich**, daß ich Ihnen so viele Mühe gemacht“ [Gogol 2009: 199].

Извинения могут характеризовать говорящего как скромного человека. Следует отметить, что для проявлений скромности есть и другие языковые средства, которые являются неотъемлемой частью вежливости. Одной из стратегий адресата в диалоге, в реагирующих ответных репликах, может быть преуменьшение адресатом своих качеств и заслуг. При этом могут использоваться прилагательные с негативной семантикой [Газизов 2009: 16]. Чичиков использует в ответе на комплимент следующие самоуничижительные слова: «*Помилуйте, что ж за приятный разговор? Ничтожный человек, и больше ничего*» [Гоголь 2009: 24]. — «*Sie sind sehr gütig <...>. Ich bin ein ganz gewöhnlicher, nichtssagender Mensch*» [Gogol 2009: 39]. Чтобы избежать неправильного понимания высказывания, возможного из-за глубинной трансформации первой части фразы, переводчик добавляет во второе предложение местоимение-подлежащее и глагольную часть сказуемого.

Иногда маркеры скромности появляются в немецком переводе — как, например, неопределенно-личное местоимение *man* для самообозначения говорящего. «*Позвольте узнать, где здесь дела по крепостям?*» [Гоголь 2009: 116] — «*Darf man nicht fragen, an wen man sich wegen Kaufverträge zu wenden hat?*» [Gogol 2009: 201]. Для прономинативов характерна зависимость их значения от контекста [Нефедов 2018: 260]. Здесь Чичиков имеет в виду себя, но использует фразу без местоимения первого лица.

7. Выводы

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что передача средств выражения вежливости во многих случаях близка к оригиналу, хотя отдельные моменты и заслуживают критики. Добавления, опущения и трансформации, к которым прибегает переводчик, допустимы — притом что иногда в них нет острой необходимости. Если придерживаться правила, что при использовании трансформаций в переводе важна верность коммуникативной стратегии исходного текста, максимально возможное сохранение авторского замысла [Дзенс, Перевышина 2012: 60], то, по нашему мнению, подобное сохранение удалось в первую очередь в передаче этикетных формул в повседневном общении, извинений и фраз, содержащих проявления скромности. Что касается перевода обращений, в некоторых случаях он неудачен.

При передаче просьб немецкий вариант получился во многом более прямолинейным и категоричным. Можно предположить, что это связано не столько с особенностями немецкого языка, в котором достаточно средств для формулировки некатегоричных высказываний, сколько со своим видением переводчиком сюжета и характера персонажей. Например, целеустремленность и настойчивость Чичикова в реализации своего замысла проявляются в переводе его высказываний, несмотря на некоторую завуалированность его формулировок в языке оригинала. В числе коммуникативных стратегий, которыми руководствуется главный герой для достижения своей цели, — лесть, косвенное выражение побуждения. Впрочем, его речевое поведение «подстраивается» под адресата и не всегда одинаково, что в основном отражено и в переводе.

Ф. Лёбенштейн впервые познакомил немецкого читателя с одним из самых известных произведений русской литературы. Его перевод несомненно заслуживает внимания и интересен именно тем, что сделан современником писателя. Данный текст открывает для нас восприятие поэмы Н. В. Гоголя носителем немецкой культуры и является примером переводческих стратегий того времени.

Источники иллюстративного материала

Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма. Новосибирск: Сибир. унив. изд-во, 2009. 206 с.

Gogol N. Die toten Seelen. Roman. Aus dem Russischen von Philipp Löbenstein. Zürich: Diogenes, 2009. 368 S.

Литература

Анохина С. П., Кострова О. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. 208 с.

Баженова Я. Г. Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 9–28. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28>

Газизов Р. А. Максима такта в аспекте лингвистической вежливости (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 2 (12). С. 97–104.

Газизов Р.А. Принцип вежливости в немецкой диалогической речи (на примере максим согласия и скромности) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №7 (145). С. 13–18.

Гладров В., Которова Е. Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 472 с.

Дзэнс Н. И., Перевышина И. Р. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. СПб.: Антология, 2012. 560 с.

Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1. С. 65–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77>

Мельгунова А. В. Формы обращения к собеседнику в немецком историческом романе и их передача при переводе (на материале романа Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс») // Современный ученый. 2021. № 6. С. 15–19.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. 354 с.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. Текст. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. 374 с.

Никанорова Ю. В. Некоторые особенности первого немецкого перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2011. № 1 (1). С. 590–598.

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб.: Антология, 2012. 480 с.

Тахтарова С. С. Стратегии вежливости в немецкой лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (20). С. 89–93.

Улиш Г., Гюгольд Б., Уварова Л., Гапонова И. Приветствие и обращение в немецком языке. М.: НВИ-Тезаурус, 2001. 60 с.

Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. М.: Икар, 2017. 238 с.

Buscha J., Freudenberg-Findeisen R, Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. Grammatik in Feldern. Ismaning: Hueber, 2006. 336 S.

Meibauer J. Pragmatik. Eine Einführung. Tübingen: Stauffenburg, 2008. 208 S.

References

Anokhina S. P., Kostrova O. A. *Comparative Typology of German and Russian Languages*. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2012, 208 p. (In Russian)

Bazhenova Ia. G. Artistic functions of Models of Manipulative Speech Interaction in Dialogues of Heroes by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog*, 2022, no. 11 (4), pp. 9–28. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28> (In Russian)

Buscha J. Freudenberg-Findeisen R, Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. *Grammatik in Feldern*. Ismaning, Hueber, 2006, 336 p.

Dzens N.I., Perevyshina I.R. *Theory of Translation and Translation Practice from German into Russian and from Russian into German*. St. Petersburg, Antologiiia Publ., 2012, 560 p. (In Russian)

Formanovskaia N.I. *Communication Culture and Speech Behavior*. Moscow, Ikar Publ., 2017, 238 p. (In Russian)

Gazizov R.A. Maxim of Tact in the Aspect of Linguistic Politeness (on the Basis of the German language). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 2, Iazykoznanie, 2010, no. 2 (12), pp. 97–104. (In Russian)

Gazizov R.A. The Principle of Politeness in German Dialogic Speech (Based on Maxims of Agreement and Modesty). *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 7 (145). P. 13–18. (In Russian)

Gladrov V., Kotorova E. G. *Models of Speech Behavior in German and Russian Communicative Culture*. Moscow, IASK Publ., 2021, 472 p. (In Russian)

Kotorova E.G. The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study. *Zhanry rechi*, 2016, no. 1, pp. 65–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77> (In Russian).

Meibauer J. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen, Stauffenburg, 2008, 208 p.

Mel'gunova A. V. Forms of Addressing the Interlocutor in a German Historical Novel and their Interpretation in the Translation (Based on the Material of L. Feuchtwanger's Novel “The Jew Suess”). *Sovremennyyi uchenyi*, 2021, no. 6, pp. 15–19. (In Russian)

Nefedov S. T. *Theoretical Grammar of the German Language. Morphology*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2018, 354 p. (In Russian)

Nefedov S. T. *Theoretical Grammar of the German Language. Syntax. Text*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2022, 374 p. (In Russian)

Nikanorova Iu. V. Some Features of the First German Translation of N. V. Gogol's Poem “Dead Souls”. *Vestnik nauki Sibiri, ser. 9. Filologiya. Pedagogika*, 2011, no. 1 (1), pp. 590–598. (In Russian)

Pavlova A. V., Svetozarova N. D. *Difficulties and Possibilities of Russian-German and German-Russian Translation*. St. Petersburg, Antologiiia Publ., 2012, 480 p. (In Russian)

Takhtarova S.S. Politeness Strategies in the German Linguoculture. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 2 (20), pp. 89–93. (In Russian)

Ulish G., Giugol'd B., Uvarova L., Gaponova I. *Greetings and Address in German*. Moscow, NVI-Tezaurus Publ., 2001, 60 p. (In German)

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Melgunova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.melgunova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 19 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.